

PATRIK LEKEŠ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9466-1883>

Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovakia

ГОСПОДИН ГОЛЯДКИН И ЕГО ДВОЙНИК: ИСТОРИЯ ШИЗОФРЕНИКА В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

MR. GOLYADKIN AND HIS DOPPELGANGER:

THE STORY OF A SCHIZOPHRENIC FROM THE PERSPECTIVE OF MODERN PSYCHOLOGY

The article is devoted to the analysis of F. M. Dostoevsky's story *The Double* (1845–1846). It explores the (psycho)pathology of the personality, the schizophrenic state of the main protagonist Mr. Golyadkin, regarding the aesthetic-anthropological concept of art and literature (Andrei Chervenyak). The focus is on the image of the hero's psyche, his symptoms and genesis of the disorder, while his doppelganger plays an important role in the formation of the image as a specific trigger for the development of the disorder. Based on data from the field of psychology, using psychological terminology (catatonia, proxemics, incongruence, etc.), the symptoms of different types of schizophrenia, manifested on several levels of the character's human existence, are examined.

Keywords: Russian literature, F. M. Dostoyevsky, psychology, schizophrenia

ВВЕДЕНИЕ

Двойник — повесть Федора Михайловича Достоевского, опубликованная в 1846 году в журнале „Отечественные записки”, а затем, в 1866 году, переизданная отдельной книгой с подзаголовком *Петербургская поэма*. История петербургского титулярного советника господина Голядкина начинается с описания жизни бедного простого чиновника, который с момента появления в сюжете его двойника постепенно меняется: трансформации наблюдаются в поведении, социальном взаимодействии, биологическом и психическом состоянии персонажа. Достоевский описывает, как внутренние процессы, происходящие в сознании Голядкина, так и внешние проявления его состояния.

Двойник как предмет исследования часто встречается в междисциплинарных научных работах: на пересечении философии и литературоведения анализируется способность Достоевского описывать противоречивость человеческого бытия¹, рассматривается борьба человека за подлинную идентичность на пути „индивид — социальная личность — духовная индивидуальность”, общепринята с точки зрения антропологии и психологии². Психоаналитическое литературоведение акцентирует внимание на умении Достоевского показать, насколько человек способен использовать свою вторую личность и как двойственная личность позволяет ему избежать страданий³. История господина Голядкина часто обсуждается с точки зрения психоанализа или на стыке разных отраслей психологии как науки, причем состояние персонажа трактуется как патологическое, а также расценивается как форма двойственности человеческой природы в целом⁴.

Среди российских ученых-психиатров, восхищавшихся творчеством Достоевского и исследовавших психологию персонажей его произведений, можно выделить работы Владимира Чиж, Владимира Бехтерева или Ивана Ермакова. Чиж, рассматривая образ Голядкина, анализирует явление так называемого обмана чувств, галлюцинаций, а также рассматривает точные описания различных ощущений главного героя, которые редко встречаются у психически здоровых людей. В XIX веке помимо *Двойника* таких детализированных описаний было крайне мало, даже в психиатрической научной литературе⁵. Бехтерев, оценив пси-

¹ И. И. Евлампиев, *Повесть „Двойник” и метафизика „двойничества” в творчестве Ф. Достоевского*, „Соловьёвские исследования” 2010, № 2, с. 4–17, <https://cyberleninka.ru/article/n/povest-dvoynik-i-metafizika-dvoynichestva-v-tvorchestve-f-dostoevskogo/viewer> (27.12.2024).

² A. Červeňák, *Dvojnictvo ako problém reprodukcie a autoreprodukcie*, «FILOZOFOIA» 1995, nr 8, с. 419.

³ F. El-Z. M. Z. El-Sadek, *Mirror Images: The confusing Duality of the Doppelganger in Dostoevsky's The Double*, „Bulletin of The Faculty of Arts” 2024, nr 2, с. 3–30, https://journals.ekb.eg/article_355639_b7d39b13493eboc933cc88a61f1c4cba.pdf (28.12.2024).

⁴ О. В. Золотко, „Двойник” Ф. М. Достоевского в свете психоанализа: к истории рецепции, „Вестник Русской христианской гуманитарной академии” 2019, № 3, с. 209–220, <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoynik-f-m-dostoevskogo-v-svete-psihoanaliza-k-istorii-retseptsii/viewer> (23.12.2024).

⁵ В. Чиж, *Достоевский как психопатолог*, Унив. тип., Москва 1885, с. 12–15.

хологическую глубину творчества Достоевского в XX веке, в своем докладе⁶ утверждает:

Достоевский впервые проник настоящим образом в больную душу человеческой личности, вскрыл ее своим изумительным, чисто гениальным анализом художественного понимания и воспроизвел эти болезненные состояния [...]. Следя за его описаниями, мы ясно ощущаем, как зарождалась душевная болезнь данного лица и где ее корни, как затем болезнь развивалась дальше, что поддерживало душевное расстройство и чем оно проявлялось [...].⁷

Особое внимание Бехтерев уделял *Двойнику*, в котором Достоевский „рисует душевное заболевание канцелярского чиновника в лице Голядкина”⁸. Ермаков, проанализировав образ Голядкина через призму психоанализа, пришел к выводу, что сознание главного героя было вытеснено и вернулось в виде чуждого, с которым нравственное „я” персонажа и вело борьбу. Таким образом, у него начали проявляться галлюцинации⁹. Ермаков добавляет, что „Первые намеки на двойственность есть уже в *Бедных людях*, но четко обозначенной и уже явно патологической является она в его *Двойнике*”¹⁰.

В нашем исследовании мы анализируем личность Голядкина в рамках современной психопатологии, опираясь на эстетико-антропологическую концепцию искусства и литературы (ЭАК), предложенную Андреем Червенияком¹¹. Данная концепция была выбрана, потому что импульсом ее создания послужило творчество Достоевского: „мы попытались смоделировать эстетико-антропологическую концепцию литературы, опираясь на

⁶ Первый раз прочитанный в 1924 году.

⁷ В. М. Бехтерев, *Достоевский и художественная психопатология*, «Русская литература» 1962, № 4, с. 137, <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/RL-1962-4.pdf> (2.4.2025).

⁸ В. М. Бехтерев, *Достоевский и художественная психопатология...*, с. 137.

⁹ И. Д. Ермаков, *Психоанализ литературы: Пушкин, Гоголь, Достоевский*, Новое литературное обозрение, Москва 1999, с. 364.

¹⁰ И. Д. Ермаков, *Психоанализ литературы: Пушкин, Гоголь, Достоевский...*, с. 404.

¹¹ А. Червенияк (Prof. PhDr. Andrej Červeňák, DrSc.) — выдающийся словацкий ученый, филолог, литературовед, русист и словакист. Об его вкладе в науку см.: А. Červeňák, *Tajomstvo Dostojevského*, Pedagogická fakulta, Nitra 1991; А. Červeňák, *Dostojevského sny*, Formát, Pezinok 1998; N. Muránska (ред.), *Esteticko-anthropologická koncepcia literatúry a Andrej Červeňák*, FF UKF v Nitre, Nitra 2008 и др.

творчество Ф. М. Достоевского [...]. Мы хотели преодолеть социологизирующую концепцию человека”¹².

Основа концепции — „эстетико-антропологический путь” литературы, составляющими которого являются: генетика (природная индивидуальность); социализация (социальная индивидуальность); универсализация ноотипа (духовная индивидуальность). Данные компоненты также воплощают в себе основные трихотомные¹³ ценности творчества Достоевского — природную, социальную и духовную¹⁴.

Достоевский в *Двойнике* приписывает главному герою — господину Голядкину — реальные симптомы шизофрении (с точки зрения современной науки)¹⁵. Ян Йоханидес¹⁶ в послесловии словацкого перевода повести *Двойник* описывает данное произведение как „захватывающий рассказ о безумии”¹⁷, симптомы которого ярко иллюстрируются в некоторых фрагментах текста. Так, чешская психиатр Ева Чешкова, определяет основные симптомы шизофрении: бред и галлюцинации, искаженное восприятие реальности, нарушения речи и поведения и т.д.¹⁸.

¹² A. Červeňák, *Človek a text*, UKF v Nitre, Nitra 2002, с. 4.

¹³ О феномене триадичности в творчестве Ф. М. Достоевского см. также: P. Lekeš, *Some Notes of The Triadic Character of Dostoyevsky's Creativity*, „Cross-Cultural Studies: Education and Science” 2022, nr 3, с. 38–46, <https://jccses.org/wp-content/uploads/2022/11/4.-Patrik-Lekes.pdf> (30.12.2024); или работы Ленки Одохналовой, в которых рассматривает не только творчество Достоевского, но и современную литературу, ссылаясь на Достоевского: L. Odehnalová, *Dostojevského Deník spisovatele v kontextech a konfrontacích*, Brno, Masarykova univerzita, 2023, L. Odehnalová, *Žánrová specifika kronikových žánrů v současné ruské literatuře*, w: L. Odehnalová (ред.), *Jiné texty, jiní autoři. [Mezi]prostory současné literatury*, Pavel Mervart, Červený Kostelec 2024, с. 34.

¹⁴ A. Červeňák, *Tajomstvo Dostojevského...*, с. 11.

¹⁵ См. также: П. Лекеш, *Господин Гояджин и шизофрения*, // А. И. Жишкевич (ред.), *Актуальные вопросы филологического образования в XXI веке*, Белорусский государственный педагогический университет, Минск 2022, с. 191–193.

¹⁶ Ян Йоханидес (Ján Johanides) (1934–2008) — известный словацкий прозаик и эссеист.

¹⁷ J. Johanides, *Dostojevskij a jeho dvojník*, // F. M. Dostojevskij, *Dvojník*, Hevi, Bratislava 1994, с. 173.

¹⁸ E. Češková, *Schizofrenie, schizofrenní poruchy a poruchy s bludy* // M. Svoboda, E. Češková, H. Kučerová (ред.), *Psychopatologie a psychiatrie*, Portál, Praha 2006, с. 181–184.

ГОСПОДИН ГОЛЯДКИН — ШИЗОФРЕНИК?

Первые признаки можно заметить уже в сцене, когда Голядкин навещает Олсуфия Ивановича¹⁹ и неожиданно поднимается по лестнице так, что Андрею Филипповичу²⁰ приходится быстро отпрыгнуть в сторону:

Господин Голядкин вдруг быстро поднялся на лестницу. Еще быстрее прыгнул Андрей Филиппович в комнату [...]. Господин Голядкин остался один. В глазах у него потемнело. Он сбился совсем и стоял теперь в каком-то бестолковом раздумье, как будто припоминая о каком-то тоже крайне бестолковом обстоятельстве, весьма недавно случившемся. „Эх, эх!“ — прошептал он, улыбаясь с натуги²¹.

Присутствует возбужденная²² форма активности: Голядкин действует совершенно импульсивно (он пребывает в недоумении, глаза его темнеют, он неожиданно замирает, что-то задумчиво шепчет и принужденно улыбается). В его действиях отсутствует какая-либо цель. В данном случае это считается физиологическим проявлением шизофрении, проникающим в социальную сферу жизни.

Позже Голядкин словно приходит в себя, однако продолжая быть нескоординированным и бездейственным:

Господин Голядкин отчасти опомнился, поскорее поднял повыше свой енотовый воротник, прикрылся им по возможности — и стал ковыляя, семена, торопясь и спотыкаясь, сходить с лестницы²³.

Чувствуя слабость, он бездействует, но придя в себя, он испытывает чувство стыда и хочет исчезнуть:

¹⁹ Олсуфий Иванович Берендеев — статский советник, папа Клары Олсуфьевны, в которую Голядкин-старший влюбился.

²⁰ Андрей Филиппович — начальник отделения, где работал господин Голядкин.

²¹ Ф. М. Достоевский, *Двойник* // *Полное собрание сочинений: В 30 т.*, Наука, Ленинград 1972, с. 127. Все цитаты из этого романа взяты из издания: *Полное собрание сочинений: В 30 т.*, Наука, Ленинград 1972 и будут сопровождаться ссылкой на номер страницы, указанный в скобках.

²² Ср.: J. Pečeňák, *Schizofrénia — koncepty, symptómy, diagnostické kritériá*, Univerzita Komenského v Bratislave, Bratislava 2014, с. 26, https://www.fmed.uniba.sk/fileadmin/lf/sluzby/akademicka_kniznica/PDF/Elektronicke_knihy_LF_UK/Schizofrenia.pdf (28.12.2024).

²³ Ф. М. Достоевский, *Двойник*..., с. 127.

ГОСПОДИН ГОЛЯДКИН И ЕГО ДВОЙНИК...

Чувствовал он в себе какое-то ослабление и онемение. Смушение его было в такой сильной степени, что, вышед на крыльцо, он не подождал и кареты, а сам пошёл прямо через грязный двор до своего экипажа. [...] господин Голядкин мысленно обнаружил желание провалиться сквозь землю или спрятаться хоть в мышиную щелочку вместе с каретой. Ему казалось, что всё, что ни есть в доме Олсуфия Ивановича, вот так и смотрит теперь на него из всех окон. Он знал, что непременно тут же на месте умрет, если обернется назад (с. 127).

Как мы отмечали ранее, Голядкин испытывает чувство стыда, но через параноидные состояния его психика влияет на социальный уровень его бытия. Попытка принять меры и решить проблему возникает лишь постфактум:

Чувствовал он себя весьма дурно, а голову свою в полнейшем разброде и в хаосе. Долго ходил он в волнении по комнате; наконец сел на стул, подпер себе лоб руками и начал всеми силами стараться обсудить и разрешить кое-что относительно настоящего своего положения (с. 128).

Голядкин не может полностью сосредоточиться и лишь в ретроспективе анализирует сложившуюся ситуацию. Он не в состоянии понять, что произошло и почему. У него можно наблюдать психические проявления шизофрении (хаотичное мышление, внутреннее смятение) на биологическом, физиологическом (ощущение, что голова разваливается на части) и социальном уровнях (чувство стыда).

Более очевидные признаки шизофрении Достоевский описывает в тот самый момент, когда Голядкин встречается со своим двойником:

хотел закричать, но не мог, — протестовать каким-нибудь образом, но сил не хватило. Волосы встали на голове его дыбом, и он присел без чувств на месте от ужаса. Господин Голядкин совершенно узнал своего ночного приятеля. Ночной приятель его был не кто иной, как он сам, — сам господин Голядкин, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам, — одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях (с. 143).

В данном случае мы можем рассматривать это как исходную стадию галлюцинаторного состояния. На первом этапе заболевания признаки наблюдаются на физиологическом уровне — частичные проявления мутизма (он не может выразить себя через речь), эмоционально-аффективная инконгруэнтность (эмоциональная сторона его личности начинает ограничиваться), про-

явления нарушенной психомоторной активности (слегка кататоническое²⁴ состояние). Здесь неизвестный человек, с которым Голядкин-старший уже встречался, превращается в его двойника.

Детальное описание говорит о наличии у Голядкина галлюцинаций. Для него сходство с двойником было поразительным:

такого же роста, такого же склада, так же одетый, с такой же лысиной, — одним словом, ничего, решительно ничего не было забыто для совершенного сходства, так что если б взять да поставить их рядом, то никто, решительно никто не взял бы на себя определить, который именно настоящий Голядкин (с. 147).

Образ второго Голядкина — это форма зрительных галлюцинаций. Однако из текста не совсем понятно, начинают ли проявляться слуховые галлюцинации, что еще больше усугубило бы патологическое состояние Голядкина. Достоевский пока уделяет внимание проявлениям шизофрении на биологическом уровне (физическое сходство двойников). У господина Голядкина постепенно развиваются более заметные признаки нарушения психической структуры:

думал он, — настоящее или продолжение вчерашнего? Да как же? [...]. Сплю ли я, грежу ли я?... Он даже стал, наконец, сомневаться в собственном существовании своём [...]. Всё, по-видимому, и даже природа сама, вооружилось против господина Голядкина [...] (с. 147).

С точки зрения психологии, эту ситуацию можно трактовать как нарастающее шизофреническое состояние. Словацкий психолог Михал Черешник утверждает, что шизофрения — это серьезное психическое расстройство, которое сопровождается такими проявлениями, как нарушение эмоциональности, мышления, восприятия человека и, конечно же, ослабление комплексной целостности психики человека²⁵.

²⁴ Кататония — это сложное нейropsychологическое расстройство, которое нарушает двигательную, поведенческую, языковую и волевую сферы человеческой деятельности. См.: *Catatonía* // *APA Dictionary of Psychology* 2018, <https://dictionary.apa.org/catatonía> (28.12.2024); А. Б. Смулевич, Т. П. Ключник, П. О. Борисова, В. М. Лобанова, Е. И. Воронова, *Кататония (актуальные проблемы психопатологии и клинической систематики)*, „ПСИХИАТРИЯ” 2022, № 1, с. 6–16, <https://www.journalpsychiatry.com/jour/article/view/774/541> (28.12.2024).

²⁵ М. Čerešník, *Psychopatológia a patopsychológia*, UKF v Nitre, Nitra 2017, с. 65.

Голядкин не может отличить сон от реальности. В описаниях эта патология также подкрепляется паранойей — сама природа отворачивается от него. В образе Голядкина можно увидеть развитие сложных внутренних конфликтов, проявляющихся в форме диалогов с самим собой²⁶. Он обсуждает только себя, что свидетельствует об усеченной форме социального взаимодействия, количестве и содержании речи. Те же признаки присутствуют и в последней главе повести, когда Голядкин ждет Клару:

думал, отчасти замирая, [...]. Да сегодня ли, впрочем? — пронеслось в его голове. — Не ошибка ли в числе? Может быть, всё может быть [...]. Оно ещё может быть, вчера было письмо-то написано, а ко мне не дошло, и потому не дошло, что Петрушка сюда замешался, шельмец он такой! Или завтра написано, то есть, что я... что завтра (с. 219).

Герой испытывает кататоническое состояние: он впадает в состояние оцепенения. Он снова ведет внутренние диалоги, подчеркивающие растерянность Голядкина: не знает даты встречи, времени написания письма, обвиняет слугу в том, что тот все перепутал, и сомневается, что письмо будет написано только через день. Таким образом, в поведении Голядкина наблюдается дезориентация во времени. Внезапно он обнаруживает, что письма в его кармане нет:

Тут герой наш похолодел окончательно и полез в своей карман за письмом, чтоб справиться. Но письма, к удивлению его, не оказалось в кармане. „Как же это? — прошептал полумертвый господин Голядкин, — где же это я оставил его? Стало быть, я его потерял? — этого еще недоставало! — простонал он наконец в заключение” (с. 220).

Господин Голядкин не в состоянии что-то сказать, не в силах рационально объяснить, где находится письмо и есть ли оно вообще у него в кармане. Постепенно он задает себе вопросы, на которые не может найти ответа. В его поведении продолжает прослеживаться паранойя, так как опасается, что письмо попало в чужие руки:

²⁶ См. тоже работу Колпаковой и Когана, которые рассматривают на материале *Двойника* проблему внутреннего диалога: М.Ю. Колпакова, И.М. Коган, *К вопросу о природе внутреннего диалога*, „Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология” 2014, № 1, с. 97–107, <https://old.pstgu.ru/download/1408359787.9kolpakova.pdf> (23.12.2024).

Ну, если оно в недобрые руки теперь попадѣт? (Да, может, попало уже!) Господи! что из этого воспоследует! [...] Тут господин Голядкин как лист задрожал при мысли, что, может быть, неблагопристойный близнец его, набрасывая ему шинель на голову, имел именно целью похитить письмо, о котором как-нибудь там пронюхал от врагов господина Голядкина (с. 220).

В параноидальных состояниях Голядкин представляет, как его двойник обманул его и украл вышеупомянутое письмо. Его состояние отражается и на биологическом уровне бытия — в виде дрожи.

В случае с господином Голядкиным Достоевский также описывает постприпадочные состояния: „После первого припадка и столбняка ужаса кровь бросилась в голову господина Голядкина. Со стоном и скрежеща зубами, схватил он себя за горячую голову, опустил на свой обрубок и начал думать о чем-то [...]” (с. 220). Физиологические симптомы (ригидность тела, ощущение прилива крови к голове, как будто горит голова) становятся более выраженными. В поведении это трансформировалось в стоны. В конце концов Голядкин полностью погружается в пассивность (прокрастинацию) и с трудом осмысливает происходящее. В его голове возникают нечеткие, иногда обрывочные воспоминания, идеи, мелодии:

Но мысли как-то ни о чём не вязались в его голове. Мелькали какие-то лица, припоминались, то неясно, то резко, какие-то давно забытые происшествия, лезли в голову какие-то мотивы каких-то глупых песен [...]. Тоска, тоска была неестественная! [...] несколько очнувшись, герой наш, подавляя глухое рыдание в груди [...] (с. 220).

Его охватывает неестественная печаль, которую он тщетно пытается подавить. Хаотичная структура мыслей и чувств претерпевает изменения в эмоциональной и ментальной сферах его личности.

Другой Господин Голядкин постоянно вводит настоящего Голядкина в напряженные ситуации и психические перегрузки:

— Душка мой!! — проговорил господин Голядкин-младший, скорчив довольно неблагопристойную гримасу господину Голядкину-старшему, и вдруг, совсем неожиданно, под видом ласкательства, ухватил его двумя пальцами за довольно пухлую правую щеку. Герой наш вспыхнул как огонь... (с. 166).

Голядкина-старшего раздражали проявления двойника, особенно невербальные — гримасы как иронический элемент соци-

ального взаимодействия, неадекватные прикосновения к лицу и т.д. Наблюдаются первые признаки агрессивного поведения: „Герой наш вспыхнул как огонь” (с. 166). У Голядкина-старшего физиологические и анатомические симптомы становятся все более ярко выраженными при контакте с его двойником:

Только что приятель господина Голядкина-старшего приметил, что противник его, трясаясь всеми членами, немой от испуга, красный как рак и, наконец, доведенный до последних границ, может даже решиться на формальное нападение, то немедленно, и самым бесстыдным образом, предупредил его в свою очередь. Потрепав его ещё раз два по щеке, пощекотав его ещё раз два, поиграв с ним, неподвижным и обезумевшим от бешенства, ещё несколько секунд [...] господин Голядкин-младший с возмущающим душу бесстыдством щелкнул окончательно господина Голядкина-старшего по крутому брюшку и с самой ядовитой и далеко намекающей улыбкой проговорил ему: «Шалишь, братец, Яков Петрович, шалишь!» (с. 166–167).

Двойник пытается в какой-то степени иронизировать над поведением господина Голядкина не только невербально (с помощью гримас), но и вербально (с помощью ехидных комментариев).

Для Голядкина-старшего поведение его двойника становится большим разочарованием, поскольку тот не оправдывает ожиданий: Голядкин-старший воспринимает двойника как (первого в жизни) друга, но «друг» огорчает его:

Сознав в один миг, что погиб, уничтожился в некотором смысле, что замарал себя и запачкал свою репутацию, что осмеян и оплеван в присутствии посторонних лиц, что предательски поруган тем, кого ещё вчера считал первейшим и надежнейшим другом своим, что срезался, наконец, на чём свет стоит, — господин Голядкин бросился в погоню за своим неприятелем. В настоящее мгновение он уже и думать не хотел о свидетелях своего поругания. «Это всё в стачке друг с другом, — говорил он сам про себя, — один за другого стоит и один другого на меня натравляет» (с. 166).

Голядкин чувствует себя центром насмешек, он даже не хочет представлять, кто смотрит или следит за ним. Поведение главного героя характеризуется когнитивным искажением²⁷: во внутренних диалогах он внушает себе, что люди подговаривают друг друга, чтобы унизить его. Таким образом, искаженное восприятие продолжает усугубляться.

²⁷ Когнитивное искажение — это некачественное суждение, регулярные ошибки в поведении, мышлении, восприятии окружающей действительности. См. тоже: D. Kahneman, *Thinking, Fast and Slow*, Penguin Books, London 2012.

На Голядкина-старшего сильное влияние оказывает включение двойника в его социальную жизнь, большая часть которой посвящена работе, поэтому предательство двойника главный герой воспринимает очень эмоционально:

господин Голядкин-младший иронически взглянул на господина Голядкина-старшего, действуя, таким образом, открыто и дерзко ему в пику, потом, с свойственной ему наглостью, осмотрелся кругом, посеменял окончательно, — вероятно чтоб оставить выгодное по себе впечатление, — около чиновников, сказал словцо одному, пошептался о чём-то с другим, почтительно полизался с третьим, адресовал улыбку четвёртому, дал руку пятому и весело юркнул вниз по лестнице. Господин Голядкин-старший за ним [...] (с. 169).

У него начинают проявляться агрессивные склонности: «таки нагнал его на последней ступеньке и схватил за воротник его шинели [...]». Казалось, что всё погибло для господина Голядкина [...]» (с. 169). Голядкину кажется, что в жизни все безнадежно потеряно. Это можно интерпретировать как причину развития шизофренических состояний главного героя: «Господин Голядкин был ошеломлен. “Что ж это, колдовство, что ль, какое надо мной совершается?” — подумал он» (с. 173). Это явление понимается как культурно неадекватный бред — он считает ситуацию колдовством. Господин Голядкин неоднократно ставит себя в социально неуместные ситуации при встрече со своим двойником.

На следующем этапе у Голядкина возникает ощущение, что он понимает все происходящее. С психологической точки зрения, это усугубление бредовых состояний и параноидальных реакций на ситуации, возникающие в его жизни:

Вдруг как будто что-то кольнуло господина Голядкина; он поднял глаза и — разом понял загадку, понял всё колдовство; разом разрешились все затруднения [...]. В дверях в соседнюю комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицом к господину Голядкину, в дверях, которые, между прочим, герой наш принимал доселе за зеркало, стоял один человек, — стоял он, стоял сам господин Голядкин, — не старый господин Голядкин, не герой нашей повести, а другой господин Голядкин [...]. «Подменил, подлец!» — подумал господин Голядкин, вспыхнув как огонь от стыда, — не постыдился публичности! Видят ли его? Кажется, не замечает никто [...] (с. 173–174).

То, что он воспринимал как зеркало, вдруг превращается в дверь, через которую приходит его двойник. И снова Голядкин выражает себя через внутренние диалоги. Неадекватность вну-

треннего переживания и эмоциональности становится все более очевидной. Обостряются состояния внутреннего раздражения. Симптомы пока преимущественно внутренние, но не в полной мере. Голядкин все еще думает о том, что не все так, как надо, и размышляет о том, видят ли другого Голядкина окружающие. Достоевский постепенно добавляет в сюжет второй уровень бытия своих героев — социальный.

Голядкин не уверен, спит ли он или нет, постоянно находясь в каком-то полусне. Нарушения сна также являются сопутствующим симптомом у шизофреников, то есть это форма вторичной бессонницы²⁸:

Всю ночь провёл он в каком-то полусне, полубдении, переворачиваясь со стороны на сторону, с боку на бок, охая, кряхтя, на минутку засыпая, через минутку опять просыпаясь, и всё это сопровождалось какой-то странной тоской, неясными воспоминаниями, безобразными видениями, — одним словом, всем, что только можно найти неприятного [...] (с. 184).

В таком состоянии начинают проявляться разные галлюцинации и мысли о жизни без четких контуров. С этим связаны и другие физиологические проявления, вызванные эмоциональной нестабильностью: „Тоска подходила такая, как будто кто сердце выедал из груди [...]” (с. 187).

Из жизни Голядкина полностью исчезает реалистичное восприятие окружающей среды, а все происходящее с ним как бы «окутывается пеленой». Физиологические потребности подавляются психологическими состояниями:

«Кто ж это обедал? — подумал герой наш. — Неужели я? А всё может быть! Пообедал, да так и не заметил себе; как же мне быть?» [...] был нем и недвижим, не видя ничего, не слыша ничего, не чувствуя ничего» (с. 207–208).

Голядкин-старший не может отличить сон, галлюцинацию от реальности. Он не способен понять или вспомнить, что с ним произошло. Помимо психологических проблем, отмечается грация биологических признаков — ступор (снижение способности реагировать на внешние стимулы), нарушение речи и слуха. В эмоциональном состоянии заметна частичная ригидность,

²⁸ Ср.: B. Moťovský, *Poruchy spánku z pohľadu psychiatra — neorganická insomniá*, «VIA PRACTICA» 2004, nr 3, с. 184, <https://www.solen.sk/storage/file/article/ca226315112beb2dbc1ee853d77f6587.pdf> (27.12.2024).

ограниченность эмоций. В некоторой степени заметны и физиологические изменения, связанные с нарушением чувствительности других органов чувств. Достоевский вновь включает в текст элементы внутреннего диалога — вопроса, на который Голядкин ищет ответ.

В поведении Голядкина нарастает хаотичность и нестабильность. Он не в состоянии сосредоточиться, снова впадает в ступор, вызванный иллюзорным представлением о том, что все внимание обращено только на него:

Вдруг он оторопел, вздрогнул и едва не присел на месте от ужаса. Ему показалось, — одним словом, он догадался вполне, — что искали-то не что-нибудь и не кого-нибудь: искали просто его, господина Голядкина. Все смотрят в его сторону, все указывают в его сторону (с. 224).

Это состояние усугубляется из-за чувства стыда: «И вдруг сгорел со стыда окончательно [...]. Мне бы лучше домой пойти, Яков Петрович, — говорил наш герой, горя на мелком огне и замерзая от стыда и ужаса, всё в одно время» (с. 224). Достоевский придает серьезность этому обстоятельству, описывая его с помощью словосочетаний повышенной экспрессивности — «горя на мелком огне» и «замерзая от стыда». В данном случае наблюдаются проявления, которые выражены через *биологическую* природу патологических изменений в организме и пересекаются с социальным взаимодействием и восприятием Голядкина окружающими. Все эмоции и симптомы постепенно накапливаются в Голядкина, которому в таком состоянии трудно выражать свои мысли, поэтому вместо использования слов он активно жестикулирует: «[...] от полноты всего, в нем накопившегося, не мог ровно ничего объяснить, а только весьма красноречивым жестом молча указал на своё сердце [...]» (с. 226). Его все больше беспокоит, что все за ним наблюдают. Он пытается избавиться от этого чувства, бесцельно проталкиваясь сквозь толпу людей, лишь бы вырваться из неловкой ситуации, которая усиливает в нем неприятные ощущения:

начал пробираться наш герой куда-то сквозь густую массу гостей. Все ему давали дорогу, все смотрели на него с каким-то странным любопытством и с каким-то необъяснимым, загадочным участием. Герой наш прошёл в другую комнату — то же внимание везде; он глухо слышал, как целая толпа теснилась по следам его, как замечали его каждый шаг, как втихомолку все между собою толковали о чём-то весьма занимательном, качали головами, говорили, судили, редили и шептались (с. 226).

ГОСПОДИН ГОЛЯДКИН И ЕГО ДВОЙНИК...

Голядкин видит и слышит, как все сплетничают, шепчутся друг с другом, осуждают его. У него проявляются зрительные, слуховые и тактильные галлюцинации.

Не только социальное взаимодействие и интриги, воспринимаемые Голядкиным, но и нарушение его личной и интимной зоны с точки зрения проксемики проводят его в психологически неадекватное состояние:

Господин Голядкин-младший важно кивнул головою и крепко сжал руку господина Голядкина-старшего. Сердце затрепетало от избытка чувств в груди героя нашего. Впрочем, он задыхался, он чувствовал, что его так теснит, теснит; что все эти глаза, на него обращенные, как-то гнетут и давят его [...]. На одно мгновение господин Голядкин почти забылся совсем, потерял и память, и чувства [...]. Очнувшись, заметил он, что вертится в широком кругу его обступивших гостей (с. 226).

Его эмоциональное состояние проявляется на физиологическом уровне — дрожь, учащенное сердцебиение, затрудненное дыхание, ощущение стеснения в груди (связанное с дыханием) — и ухудшается под воздействием социального давления, которое, по мнению героя, огромное. Голядкин достигает состояния, в котором не может воспринимать реальность. Вышеупомянутая ситуация усугубляется: Голядкин сближается с двойником, считая это попыткой или проявлением примирения:

оба торжественно свели двух совершенно подобных среди обставшей их кругом и устремившейся в ожидании толпы. Герой наш с недоумением осмотрелся кругом, но его тотчас остановили и указали ему на господина Голядкина младшего, который протянул ему руку. «Это мирить нас хотят», — подумал герой наш и с умилением протянул свою руку господину Голядкину-младшему; потом, потом протянул к нему свою голову. То же сделал и другой господин Голядкин [...] (с. 227).

Однако, затем он видит ироничную и коварную улыбку своего двойника:

Тут господину Голядкину-старшему показалось, что вероломный друг его улыбается, что бегло и плутовски мигнул всей окружавшей их толпе, что есть что-то зловещее в лице неблагопристойного господина Голядкина-младшего, что даже он отпустил гримасу какую-то в минуту иудина своего поцелуя [...] (с. 227).

Голядкин снова пугается невербальных сигналов двойника (гримасы, улыбки, зловещие выражения лица) и все еще испы-

тывает глубокое чувство неуверенности в себе, считая, что все на него ополчились.

Внешние воздействия и стимулы провоцируют биологические симптомы его патологического состояния. Его сознанию присущи изменения восприятия среды, особенно слуховые и зрительные галлюцинации: «В голове зазвонило [...], в глазах потемнело; ему показалось, что бездна, целая вереница совершенно подобных Голядкиных с шумом вламываются во все двери комнаты [...]» (с. 227). Присутствуют физиологические признаки шизофрении — и шум в ушах (тиннитус), и затуманенное зрение.

В результате всех этих изменений шизофрения начинает проявляться большим количеством психических (бредом, галлюцинациями, иллюзиями, нарушением восприятия и мышления и т.д.) и физиологических (нарушением терморегуляции и сильным сердцебиением) симптомов:

Глухо занывало сердце в груди господина Голядкина; кровь горячим ключом била ему в голову; ему было душно, ему хотелось расстегнуться, обнажить свою грудь, обсыпать ее снегом и облить холодной водой. Он впал наконец в забытие [...] (с. 229).

Нарастающая интенсивность признаков в конце концов приводит к тому, что Голядкин теряет сознание. Таким образом, можно говорить о том, что в тексте преобладают описания биологических симптомов.

Искаженное восприятие окружающей среды постепенно усиливается. Кажущиеся иллюзии полностью сменяются бредовым и галлюцинаторным состоянием: «Когда же очнулся, то увидел, что [...] направо и налево чернелись леса; было глухо и пусто [...] два огненные глаза смотрели на него в темноте, и зловещую, адскою радостью блестели эти два глаза» (с. 229). Социальное восприятие искажено: Голядкин видит, как вокруг него чернеет лес, как на него смотрят огненные, радостные глаза, выглядывающие из темноты. Мы можем наблюдать комбинированное проявление психического расстройства на биологическом и социальном уровнях бытия.

Достоевский неоднократно, даже метафорически — через зеркало — выражает состояние и ситуацию Голядкина с его двойником: «Голядкину, в дверях, которые, между прочим, герой наш принимал доселе за зеркало, стоял один человек, — стоял он,

стоял сам господин Голядкин» (с. 174); «В дверях, которые герой наш принимал доселе за зеркало, как некогда тоже случилось с ним, появился он, — известно кто, весьма короткий знакомый и друг господина Голядкина» (с. 216); и маски:

Я чувствую, Антон Антонович, я с моей стороны совершенно всё это чувствую-с. Но я не про то-с, я про маску говорил, Антон Антонович-с... — Про маску-с? — [...] я опасюсь, что вы и тут примете в другую сторону смысл, то есть смысл речей моих, как вы сами говорите, ...Я только тему развиваю, то есть пропускаю идею, Антон Антонович, что люди, носящие маску, стали не редки-с и что теперь трудно под маской узнать человека-с [...] (с. 163).

В зеркале мы видим собственное отражение — оно дает возможность получить ретроспективный образ себя. С другой точки зрения, зеркало также может быть символом психического постоянства и психологической целостности личности, источником странности и отстраненности от собственного существования²⁹. Маска представляет собой возможную форму защитного механизма, а также и фальшивость человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С психологической точки зрения у Голядкина наблюдаются симптомы самого распространенного типа шизофрении — параноидной шизофрении, которой свойственно наличие большого количества бредовых мыслей, зрительных и слуховых галлюцинаций. Психическое состояние Голядкина также можно рассматривать как шизотипическое расстройство личности с симптомами, схожими с параноидной шизофренией или резидуальной шизофренией. Это психическое расстройство характеризуется эксцентричным поведением, социальной изоляцией или эмоциональной отстраненностью³⁰. В той или иной форме (возбужденная активность, иногда бесцельные действия) проявления главного героя могут быть отнесены к кататонической шизофрении.

²⁹ Ср. с работой Л. Б. Ключевой, которая применяет лакановскую психоаналитическую традицию в исследовании: Л. Б. Ключева, *К семиотике зеркала и зеркальности*, „Вестник ВГИК” 2011, № 8, с. 6–16, <https://doi.org/10.17816/VGIK326-16> (28.12.2024).

³⁰ Ср.: J. Pečeňák, *Schizofrénia — koncepty, symptómy, diagnostické kritériá...*, с. 25–28.

Например, в соответствии с таксономией³¹ Блейлера³² можно сделать вывод о том, что у Голядкина присутствуют как базальные (расстройство ассоциаций, амбивалентность), так и акцессорные симптомы (бред, галлюцинации).

Акцессорные симптомы представлены в большем количестве, чем базальные (фундаментальные), поэтому в симптоматике наблюдается явное искажение реальности, проявляющееся на разных уровнях. Стоит также отметить, что иногда акцессорные симптомы могут полностью отсутствовать. Признаки патологического состояния Голядкина носят преимущественно патологический характер и, учитывая ЭАК, проявляются только на биологическом (в основном) и социальном уровнях существования персонажей. С другой стороны, мы можем рассматривать двойника Голядкина по трехуровневой шкале его присутствия в сюжете: 1) неясный персонаж/существо, явившееся Голядкину; 2) равноправный партнер — идентичный двойник, входящий в жизнь и социальные отношения Голядкина; 3) вредный элемент в его жизни, приводящий главного героя в состояние полной псих(олог)ической патологии.

Статья написана с поддержкой проекта UGA: III/10/2025 — Metodologické výzvy literárnej vedy: od interdisciplinarity k transdisciplinarite (UKF v Nitre, Slovakia).

REFERENCES

- APA Dictionary of Psychology. "Catatonia," 19.04.2018, <<https://dictionary.apa.org/catatonia>>.
- Bleuler, Eugen. *Učebnica psychiatrie (vybrané kapitoly)*. Transl. Hašto, Jozef. Trenčín: Vydavateľstvo F, 1998.

³¹ Следует добавить, что истоки исследования шизофрении принадлежат другим ученым (Б. М. Морель, Э. Крепелин — см. термин *dementia praecox* как предшественника термина *шизофрения*). Мы используем классификацию Блейлера, поскольку он первым использовал термин «шизофрения». См. и ср.: E. Bleuler, *Učebnica psychiatrie (vybrané kapitoly)*, Vydavateľstvo F, Trenčín 1998, с. 239–267; A. Maatz, P. Hoff, J. Angst, Eugen Bleuler's schizophrenia — a modern perspective // „Dialogues in Clinical Neuroscience” 2015, nr 1, с. 45; J. Pečeňák, *Schizofrénia — koncepty, symptómy, diagnostické kritériá...*, с. 12–13.

³² Эйген Блейлер [Eugen Bleuler] (1857–1937) — швейцарский психиатр, впервые использовавший термин «шизофрения» и применивший к ней иной подход, опираясь на клиническую практику.

- Čerešník, Michal. *Psychopatológia a patopsychológia*. Nitra: UKF v Nitre, 2017.
- Červeňák, Andrej. *Človek a text*. Nitra: UKF, 2002.
- Červeňák, Andrej. *Dostojevského sny*. Pezinok: Formát, 1998.
- Červeňák, Andrej. "Dvojníctvo ako problém reprodukcie a autoreprodukcie." *FILO-ZOFIA*, 1995, no. 8 (50): 415–422.
- Červeňák, Andrej. *Tajomstvo Dostojevského*. Nitra: PF, 1991.
- Češková, Eva. "Schizofrenie, schizofrenní poruchy a poruchy s bludy." *Psychopatologie a psychiatrie*. Svoboda, Mojmír, Češková, Eva and Kučerová, Hana (eds.). Praha: Portál, 2006: 181–201.
- El-Sadek, Fatma El-Zahraa Mohamed Zaki. "Mirror Images: The confusing Duality of the Doppelganger in Dostoevsky's The Double." *Bulletin of The Faculty of Arts*, 2024, no. 2 (71): 3–30, <https://journals.ekb.eg/article_355639_b7d-39b13493eboc933cc88a61fc4cba.pdf>.
- Johanides, Ján. "Dostojevskij a jeho dvojník." *Dostojevskij, Fiodor Michajlovič. Dvojník*. Transl. Ferenčík, Ján. Bratislava: HEVI, 1994: 163–180.
- Kahneman, Daniel. *Thinking, Fast and Slow*. London: Penguin Books, 2012.
- Lekeš, Patrik. "Some Notes of the Triadic Character of Dostoyevsky's Creativity." *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 2022, no. 3 (7): 38–46, <<https://j-ccses.org/wp-content/uploads/2022/11/4.-Patrik-Lekes.pdf>>.
- Maatz, Anke, Hoff, Paul and Angst, Jules. "Eugen Bleuler's schizophrenia — a modern perspective." *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 2015, no. 1 (17): 43–49, <10.31887/DCNS.2015.17.1/amaatz>.
- Moťovský, Branislav. "Poruchy spánku z pohľadu psychiatra — neorganická insomnia." *VIA PRACTICA*, 2004, no. 3 (11): 184–187, <<https://www.solen.sk/storage/file/article/ca226315112beb2dbc1ee853d77f6587.pdf>>.
- Muránska, Natália (ed.). *Eстетicko-antropologická koncepcia literatúry a Andrej Červeňák*. Nitra: FF UKF v Nitre, 2008.
- Odehnalová, Lenka. *Dostojevského Deník spisovatele v kontextech a konfrontaci*. Brno: Masarykova univerzita, 2023.
- Odehnalová, Lenka. "Žánrová specifika kronikových žánrů v současné ruské literatuře." *Jiné texty, jiní autoři. [Mezi]prostory současné literatury*. Odehnalová, Lenka (ed.). Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2024: 17–39.
- Pečenák, Ján. *Schizofrénia — koncepty, symptómy, diagnostické kritériá*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2014, <https://www.fmed.uniba.sk/fileadmin/lf/sluzby/akademicka_kniznica/PDF/Elektronicke_knihy_LF_UK/Schizofrenia.pdf>.
- Бехтерев, Владимир Михайлович. "Достоевский и художественная психопатология." *Русская литература*, 1962, № 4 (5): 135–141, <<http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/RL-1962-4.pdf>>.
- Достоевский, Фёдор Михайлович. "Двойник." *Полное собрание сочинений: В 30 т. Базанов, Василий* (ed.). Ленинград: Наука, 1972: 109–229.
- Ермаков, Иван Дмитриевич. *Психоанализ литературы: Пушкин, Гоголь, Достоевский*. Москва: Новое литературное обозрение, 1999.
- Евлампиев, Игорь. "Повесть Двойник и метафизика 'двойничества' в творчестве Ф. Достоевского." *Соловьёвские исследования*, 2010, № 2 (26): 4–17, <<https://cyberleninka.ru/article/n/povest-dvoynik-i-metafizika-dvoynichestva-v-tvorchestve-f-dostoevskogo/viewer>>.
- Золотко, Ольга. "Двойник Ф.М. Достоевского в свете психоанализа: истории рецепции." *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*,

- 2019, № 3 (20): 209–220, <<https://cyberleninka.ru/article/n/dvoynik-f-m-dostoevskogo-v-svete-psihoanaliza-k-istorii-retseptsii/viewer>>.
- Кадыров, Игорь. “Двойник Достоевского: попытка психоаналитической интерпретации.” *Психоанализ и искусство*. Спиркина, Елена (ed.). Москва: Когито-центр, 2011: 117–137.
- Клюева, Людмила. “К семиотике зеркала и зеркальности.” *Вестник ВГИК*, 2011, № 8 (май): 6–16, <<https://doi.org/10.17816/VGIK326-16>>.
- Колпакова, Марианна, Коган, Ирина. “К вопросу о природе внутреннего диалога.” *Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология*, 2014, № 1 (32): 97–107, <<https://old.pstgu.ru/download/1408359787.9kolpakova.pdf>>.
- Лекеш, Патрик. “Господин Гоядкин и шизофрения.” *Актуальные вопросы филологического образования в XXI веке*. Жишкевич, Алена (ed.). Минск: Белорусский государственный педагогический университет, 2022: 191–193.
- Смулевич, Анатолий, Ключник, Татьяна, Борисова, Полина, Лобанова, Вероника and Евгения Воронова. “Кататония (актуальные проблемы психопатологии и клинической систематики).” *ПСИХИАТРИЯ*, 2022, № 1 (20): 6–16, <<https://www.journalpsychiatry.com/jour/article/view/774/541>>.
- Чиж, Владимир. *Достоевский как психопатолог*. Москва: Унив. тип., 1885.